

«Блокадный дневник» Валентины Фёдоровны Любовой

Ленинградцы знают о том, что во время фашистской блокады у гитлеровцев существовала карта нашего города, где под номерами значились наиболее важные объекты уничтожения: Эрмитаж - № 9, Лекторий - № 174. Институт охраны материнства и младенчества - № 708, студенческий городок — № 362...

Каждый номер на карте был сопровожден артиллерийскими данными: прицел, калибр, тип снарядов. По объекту № 192 (Дворец пионеров) рекомендовалось стрелять фугасно-зажигательными, по объекту № 736 (школа в Бабурином переулке) — осколочно-фугасными.

Я расскажу вам о том, как средняя школа № 105 — «военный объект № 736» — жила и боролась в эти трудные годы.

Первое сентября.

Много лет я встречала в этот день первоклассников и всегда очень волновалась, выступая перед ними, ведь хотелось, чтобы новички полюбили школу, чтобы все ребята настроились на целый год учения.

В 1941 году первого сентября наши ученики толпились у двери. На которой висело необычное объявление: «Школа не работает». Здание было занято под эвакупункт.

— А мы и завтра придем в школу, и послезавтра, и еще послезавтра, — настойчиво повторяла маленькая краснощекая девочка» Она одной рукой придерживала под мышкой букварь, а другой крепко ухватилась за братишку, ученика третьего класса. Это была Маша Иванова, первоклассница. Она так ждала этого дня!

Вышла завуч Софья Семеновна и сказала, чтобы ребята потерпели, что скоро, очень скоро все равно будем учиться.

К этому дню город уже ощутил свое прифронтовое положение. Уже ушли на фронт наши старшеклассники. Были среди них Юра Лерман. Коля Костин, Вова Михайлов, Юра Барабанов. Многие из старших ребят с учителями уехали рыть противотанковые рвы, другие стали почтальонами — доставляли на места оборонных работ почту и газеты, третьи работали в госпиталях.

Занятия в нашей школе начались после октябрьских праздников и не прекращались ни на один день во все тяжелые годы войны и блокады.

Вначале занимались все классы. Но зиму выдержали только старшеклассники. Наши «зимовщики», как мы называли семнадцать старших ребят, успешно закончили школу, а один из них. Юра Лунин,— отлично. Да, я часто после войны напоминала своим ученикам о школьниках военных лет: они ведь шли на урок не по мирным, тихим улицам, — враг держал на прицеле наш квадрат обстрела. Мамы не заворачивали им завтраков: голодал весь город. И все-таки они учились! И помогали друг другу. В ту тяжелую зиму, в ночь на первое января, выпускница Зоя Прусакова была ранена в обе ноги, пролежала в больнице три месяца. Как только встала на костыли, пришла в школу. Одноклассники и учителя помогли ей в учении. Зоя закончила десятилетку.

«Никогда, ни до, ни после, я так не старалась учиться, как в тот страшный год, — вспоминает Наташа Беликова. — Я не пропустила ни одного дня, ни одного урока. Было время, когда в класс приходило не больше двух-трех человек. Голодные, усаживались мы в нетопленном, мрачном классе за парты. И, несмотря на частые разрывы снарядов, внимательно ловили каждое слово таких же голодных измученных блокадой учителей.

Дома при копилке усердно выучивала заданное, и тетради вела так старательно и так красиво выписывала каждую букву, что теперь смотрю и диву даюсь; я ли это писала, как я могла? Да, я писала, я могла! Я крепко верила, что этим помогаю Родине, фронту».

Наташа окончила школу с отличием в 1944 году, сейчас она преподаватель высшей школы.

И не только Наташа, все ребята как-то по-особенному относились тогда к учению, к любой общественной работе. А работать им приходилось много. Они убирали помещения, помогали двум старым, истощенным нянюшкам — Александре Васильевне Богословской и Анисье Матвеевне Ананьевой. Они заготавливали дрова. Деревянный дом на соседней улице был отдан школе на топливо. Мы разобрали его, возили бревна и доски на тачке в свой двор, пилили, кололи, а потом приносили дрова в помещение и топили печки-временки. Канализация не работала, для уборных рыли ямы во дворе.

Это — в школе. Но наши ученики старались, чем могли, помочь фронту и городу. Юра Пунин, пропагандист и агитатор в школе, был донором в военном госпитале. Роза Гендина и Андрей Копылов

работали там же санитарями, Лена Сорокина — воспитателем в детском доме. А как активны были наши старшеклассники в школе! Все они стали бойцами МПВО — местной противовоздушной обороны, все дежурили на крыше во время вражеских налетов. Наша комсомольская организация в первый же блокадный год выросла с пяти человек до тридцати пяти. И у каждого из ребят было какое-нибудь общественное дело. Толя Бибииков был председателем учкома, Геня Черёмушкин выпускал школьную газету и боевые листки, ему помогала Галя Кобелева, горячо брались за любое поручение восьмиклассница Наташа Беликова, семиклассники Гриша Баранов, Володя Поторейко. Старшеклассники помогали друг другу, были добрыми друзьями для младших.

Малыши пришли к нам с весенним солнышком. Некоторых из них мы разыскали и привели в школу сами. Тяжелые это были встречи.

Однажды в конце марта около школы я повстречала маленькую девочку. Она шла от водоразборной колонки и волокла ведро, на дне которого плескалась вода. Поравнявшись со мной, девочка остановилась и почти крикнула:

— Я тебя знаю! Ты директор нашего Толи. — На меня глянули из-под платка не по-детски серьезные умные глаза. Хотя личико девочки было худенькое и грязно-серое, словно посыпанное пеплом, я узнала в неё Машу Иванову, ту краснощекую первоклассницу, которая осенью как хотела в школу.

— Почему вы с Толей не в школе? Ребята уже учатся, — сказала я.

— Толя умер, — грустно, в платок прошептала она. — И сестренка умерла, и бабушка умерла, и папа наш убит...

Я еле перевела дыхание, потом забрала у нее ведро:

— Пойдем, я тебе помогу донести.

Маша пошла рядом, ухватившись за полу моего пальто.

Жили они недалеко от школы, по Бабурину переулку, в третьем этаже деревянного дома.

Дверь в квартиру была настежь открыта.

— Почему не закрыта дверь? — спросила я.

— Это ветер открыл. Мама сказала, что теперь она стала крепко спать и не услышит, если придут с завода и будут стучать.

— Мама на работе? — опять спросила я.

— Н-е-ет, она устала, вчера и сегодня спит...

Я вошла в холодную, полутемную комнату. Мама Маши действительно спала, спала вечным сном... Девочку в тот же день взяла ее тетя. А мы — учителя, комсомольцы и старшие пионеры — стали обходить все дома близ школы. Некоторых ребят вернули в классы, осиротевших устроили в детские дома, а очень ослабленных малышей на руках отнесли в больницу.

Вот какая это была трудная весна.

А школа жила.

В девять часов по звонку начинались занятия, на уроках учителя объясняли новый материал, спрашивали старый, за ответы ставили оценки.

Но как часто уроки прерывались воем сирены! Воздушная тревога — и ученики поднимались из-за парт и цепочкой шли за учителем в бомбоубежище.

Старшие ребята — бойцы группы самозащиты — спешно занимали боевые посты.

У старшеклассников урок продолжался в приспособленных для занятий отсеках бомбоубежища, а маленьким учителя что-нибудь читали или рассказывали. Все это делалось организованно и очень тихо.

Это тяжело вспоминать, но я должна рассказать вам о наших ребятах: о том, как они жили в осажденном городе.

Зимой поступил в десятый класс новичок — Лева Фридман. Он был очень худ, еле держался на ногах. На переменах жадно читал, и ребята его прозвали «профессором».

— Читать — это значит жить, — внушительно говорил он товарищам.

И вот этот Лева умер. Такие же голодные и истощенные мальчишки-десятиклассники сделали для него гроб из школьной парты, за которой он сидел, Девочки-одноклассницы отвезли его на санках на кладбище...

Однажды Юра Ратман из девятого класса принес хлебную карточку своей любимой учительнице:

— Дома последний брат умер, теперь всё, конец... Александра Федоровна, вот вам моя хлебная карточка, возьмите...

— Что ты, что ты, милый друг, что ты говоришь? Возьми себя в руки сейчас же. Жить, обязательно жить! А кто, как не ты, не твои товарищи, должны отомстить врагу за наши страдания, — убеждала мальчика Александра Федоровна. Вместе с ребятами она подняла Юру со ступенек лестницы, отвела в столовую, усадила за стол, попросила нянюшку подать ему горячего чая, а сама пошла в магазин выкупить ему хлеб.

В январе 1942 года я получила письмо от учительницы Марии Максимилиановны Толкачевой: «Милая Валентина Федоровна, большое несчастье обрушилось на нас с сестрой. Мы потеряли хлебные карточки. Что делать, ведь впереди почти месяц, а мы и 125 граммов не будем иметь. Верная смерть... Сестра от истощения уже лежит, и я еле передвигаюсь... Простите, если в чем виновата... Искренне любящая вас М. Толкачева».

Учителя собрались и решили: не теряя ни минуты отнести Толкачевой хлебную карточку, оставшуюся от умершего учителя и еще не сданную в исполком. Составить акт для отчета перед карточным бюро. Но вот вопрос: живут сестры от школы далеко, кто понесет карточку? (Транспорт-то ведь тогда не ходил, а люди все были так слабы...)

Вызвалась медсестра Вера Александровна Афанасьева.

— Разрешите, и я пойду, — обратилась ко мне школьница Тося Уткина. — Я у Марии Максимилиановны бывала, знаю дорогу покороче.

— Вдвоем лучше, — обрадовалась Вера Александровна, — если что случится с одной, доберется другая.

Я молчала. Уж очень худенькая была Уткина, головка с кулачок, ножки как палочки, вот-вот подломятся, не дойдут... И, словно угадав мои мысли, Тося быстро сказала;

— Ничего не случится: на улице метель, фрицы отдыхать будут.

...Дорога была трудной, но они дошли благополучно и драгоценную карточку вручили учительнице.

Помню и такой случай. Однажды кто-то постучался в мой кабинет. Вошли два брата, Вася и Коля, ученики первого и второго класса.

— Наш дом фашисты разбомбили. Мама погибла. Мы с Колькой остались... Что нам делать, Валентина Федоровна? — говорил старший, Вася.

Напоила их горячим чаем. Как могла, старалась успокоить мальчиков.

— На время войны я устрою вас в детский дом. А потом вернется с фронта папа, — говорила я им.

— Вернется ли? От него давно писем нет, — печально ответил Вася.

— Если что случится с папой, тогда я вас возьму к себе.

— И вы будете нашей мамой? — ожил маленький Коля.

Это было зимой, а весной опять зашел ко мне Вася. Здороваясь, он поставил на стол бутылку с розовой водой:

— Это клюквенный морс. Такая очередь за ним, давали тут, в ларьке. Немножко я сам отпил, а это вам, Валентина Федоровна, говорят, для здоровья хорошо, пейте!

На меня смотрели такие добрые и милые глаза, что я не могла отказаться. Поблагодарила и выпила морс.

— Ну, вот и хорошо, — с облегчением сказал Вася, — теперь я побегу к себе, в детский дом.

Он не побежал, а поплелся, как старичок. Мы тогда все так ходили, хотя паек хлеба стали получать чуть побольше.

Город был без света, без воды, без топлива. Враг обстреливал его днем и ночью. И все же в ту самую трудную зиму для детей Ленинграда устраивались новогодние елки. Ребят Выборгской стороны позвали на праздник в нашу школу. Как сейчас помню я этот день.

В зале красиво убранная елочка. Затейник приглашает ребят в хоровод. А они, голодные, с потухшими глазами, жмутся к теплой печке и к елке не идут, даже не глядят на нее: они ждут обещанный «чудо-обед»... А обед, как на зло откладывается и откладывается, потому, что одна за другой следуют воздушные тревоги, и ребят приходится уводить в бомбоубежище.

Но вот, наконец, они в столовой за столами.

Детям подали густой суп, густую пшеничную кашу и даже сладкий компот. Кроме всего этого, каждый получил новогодний подарок — пакет с сухарем, пряником и двумя мандаринами, с теми самыми, которые с таким трудом доставил в Ленинград в новогоднюю ночь через Ладожское озеро по Дороге жизни бесстрашный шофер товарищ Твердохлебов.

И вот весна подошла.

В теплые дни мы выпускали ребят на большую перемену во двор школы. В одну такую перемену ко мне в кабинет вбежала дежурная учительница Александра Федоровна Дворцова:

— Валентина Федоровна, радость-то какая! Ребята во дворе дерутся, честное слово, дерутся!

Вначале я никак не могла понять, в чем дело, но потом сообразила и сама заплакала. Это была действительно радость: дерутся мальчишки, — значит, появилась сила. Они спасены, они будут жить!

А вскоре наши ребята с учительницей биологии Марией Федоровной Киршиной вскопали и засеяли весь школьный двор, стали растить свои овощи.

Кроме того, они почти каждый день ходили за город собирать съедобные травы. Из них варили суп: в школьной столовой — для ребят, в заводской — для рабочих.

Пучочки щавеля школьники носили в подшефный госпиталь раненым бойцам, с которыми у них была большая дружба. Сначала ребята просто иногда заходили в госпиталь. Потом девочки, большие и маленькие, стали настоящими шефами. Каждый после занятий отправлял в госпиталь двух девочек (наша школа с 1943 года стала женской). Там они читали раненым бойцам газеты и книги, писали письма под диктовку тех, кто сам писать не мог, помогали санитаркам и сестрам покормить и напоить тяжелораненых, иногда убирали палаты и мыли полы. Очень часто девочки по просьбе раненых разыскивали в городе их родных, передавали приветы и письма. Изюм в день школьницы чинили и штопали белье для своих подопечных.

Руководила шефскими делами старшекласница Нина Хрущева. Учительница Ольга Константиновна Рубежанская помогала готовить концерты. А вообще выступлениями ведала Тося Уткина. Она составляла программу, подбирала исполнительниц. Случалось, что за один вечер маленькие актрисы выступали несколько раз. Они это делали охотно и без усталости: знали, что для раненых бойцов их концерт — большая радость!

«С каждым приходом наших маленьких друзей — учениц Вашей школы — поднимается настроение и боевой дух наших воинов», — писал в школу заместитель начальника госпиталя.

Бойцы выздоравливали, уходили на фронт и девочкам нашим присылали письма.

Подбадривали, советовали не пасовать перед трудностями, хорошо учиться. Некоторые из них приходили к нам в школу в гости.

День 18 октября 1943 года для нашей школы был особенно тяжелым. Первую половину дня мы, как обычно, занимались. Обед был перенесен на более ранний час, так как в обеденное время зачастили обстрелы.

Мы только что успели справиться с обедом и ребята еще не все разошлись по домам, как началось!..

Первые два снаряда один за другим разорвались во дворе школы. В это время учителя и старшекласницы нагружали дрова в машину. Сначала ничего нельзя было разобрать.

Все, казалось, захлебнулось в кирпично-красном тумане.

Когда пыль улеглась, мы увидели ужасное. Раненый шофер был отброшен далеко в сторону, около него навзничь лежала убитая Надежда Владимировна Владимирова — библиотекарь школы, чуть подальше — Елизавета Алексеевна Николаева, любимица ребят, учительница литературы. У входа в бомбоубежище полусидели, засыпанные пылью, три погибшие девочки, первокласницы. Они бежали в укрытие, но взрывная волна настигла их...

Почти всю ночь перебирала и разбрасывала дрова по школьному двору одна из мам — искала свою дочку... До поздней ночи учителя, нянюшки и старшекласницы приводили школу в порядок, готовили ее к занятиям следующего дня.

Мне казалось, что все кончено, ребята больше не придут в нашу школу. Но я ошиблась. На другой день, в девять утра, все школьницы были на местах.

Ста одиннадцати девочкам нашей школы были вручены медали «За оборону Ленинграда». Это заслуженная честь: они были мужественны, они помогали, чем могли, защитникам Родины, они в те тяжелые дни усердно учились, они верили в нашу победу, они были настоящими ленинградками.